

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. Н. БЕКЕТОВА.

1861.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1861.

ОПИСАНІЕ ХИВИНСКАГО ХАНСТВА

И ДОРОГИ ТУДА ИЗЪ САРАЙЧИКОВСКОЙ КРѢПОСТИ.

Предлагаемое „Описание“ составлено было, какъ видно изъ помѣтки на послѣдней страницѣ рукописи, въ Оренбургѣ, въ 1803 году: стало-быть это *первый*, по времени, опытъ систематическаго описанія Хивинскаго-Ханства, на русскомъ языкѣ. Бланкеннагель, правда, еще прежде, именно по возвращеніи своемъ изъ Хивы въ 1794 году, изложилъ свои о ней „Замѣчанія“; но замѣчанія его не имѣютъ такой полноты, какъ наше „Описание“ и притомъ изложены были первоначально, по-видимому, на нѣмецкомъ языкѣ. Сказанное о Бланкеннагелѣ еще въ бѣльшей степени относится къ разсказамъ о Хивѣ Рукавкина изъ 1750-хъ годовъ. Какъ мало еще знали мы о Хивѣ въ то время, лучшимъ свидѣтельствомъ могутъ служить свѣдѣнія о ней, помѣщенные въ „Оренбургской топографіи“ Рычкова (Спб. 1762). Въ этомъ-то качествѣ перваго опыта и сочли мы издаваемое описаніе достойнымъ печати. Къ свѣдѣніямъ о Хивинскомъ-Ханствѣ, собраннымъ позже гг. Генсомъ, Иванинымъ, Данилевскимъ, Базинеромъ и другими, прибавляетъ оно весьма немногое; но на него и не слѣдуетъ смотрѣть какъ на матеріалъ для ознакомленія съ Хивою въ ея настоящемъ положеніи. Это документъ для исторической географіи, свидѣтельствующій о томъ — какія свѣдѣнія имѣлись о Хивѣ въ Оренбургѣ, а слѣдовательно и у правительства нашего, въ началѣ текущаго

столѣтія. Документы-же такого рода, не говоря о значеніи ихъ въ исторіи географической науки, весьма важны и въ томъ отношеніи, что даютъ возможность вѣрнѣе понимать и оцѣнивать дѣйствія и предположенія, какъ правительствъ, такъ и отдѣльныхъ лицъ, въ извѣстное время и въ извѣстныхъ обстоятельствахъ. Разсматривая дѣйствія администраціи въ данное время по отношенію къ тому или къ другому предмету, историкъ необходимо долженъ знать—какія имѣлись тогда свѣдѣнія объ этомъ предметѣ; только при такомъ знаніи и можетъ онъ сказать, хорошо или дурно распоряжалась администрація для достиженія своихъ цѣлей, была она впереди или позади общества; если-же нѣтъ у историка документовъ, которые сообщили бы ему это знаніе, невозможенъ для него и безпристрастный, непогрѣшительный судъ надъ прошлымъ; судить объ этомъ прошломъ, не зная положенія средствъ его и свѣдѣній, по средствамъ и свѣдѣніямъ современнымъ историку, — промахъ страшный, въ который однакоже впадали и продолжаютъ впадать весьма многіе.

✓ Есть основаніе думать, что предлагаемое „Описаніе“ составлено было или самимъ П. Е. Величкою, который былъ въ 1803 году директоромъ Оренбургской таможи, или по его распоряженію; его тогда сильно занимала мысль объ учрежденіи русской купеческой компаніи для развитія торговыхъ сношеній съ Среднею Азіею, и онъ старательно собиралъ все, какія могъ, свѣдѣнія о находящихся въ ней владѣніяхъ.

Въ примѣчаніяхъ къ издаваемому описанію я имѣлъ въ виду указать преимущественно на состояніе современныхъ или по крайней мѣрѣ ближайшихъ къ намъ свѣдѣній о предметахъ въ немъ трактуемыхъ.

Въ заключеніе не лишнимъ считаю упомянуть, что я не имѣлъ въ рукахъ Эрмановыхъ *Beiträge zur Länder und Staatenkunde der Tartarey* (Weimar. 1804), и потому не могу сказать опредѣлительно—служило-ли издаваемое „Описаніе“ однимъ изъ источниковъ для этого сборника, какъ можно заключать о томъ изъ

ссылку на оный Г. П. Гельмерсена во второмъ томѣ издаваемыхъ имъ и К. М. Беромъ Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angränzenden Länder Asiens.

ОПИСАНІЕ ХИВЫ И ЕЯ ОКРЕСТНОСТЕЙ.

І. Дороги въ Хиву изъ Россіи.

1. Прямѣйшая изъ Оренбурга, чрезъ Киргизъ-Кайсацкую Степь и кочевья Каракалпакъ, имѣя Аральское озеро въ лѣвѣ; расстоянія до 700 верстъ; по сей ѣздить одни Хивинцы на верховыхъ лошадяхъ и на легкѣ (¹).

2. Чрезъ ту же степь и Каракалпакъ имѣя, Аральское озеро

(¹) Нынѣ отъ Оренбурга къ Хивѣ черезъ Киргизскую-Степь и плоскую возвышенность Усть-Уртъ пролегаютъ не одинъ, а нѣсколько путей, которыми и ходятъ исключительно (оставивъ всѣ прочіе, ниже упомянутыя дороги) хивинскіе и киргизскіе караваны, направляющіеся изъ Оренбурга въ Хиву или обратно. Подробное описаніе одного изъ самыхъ обыкновенныхъ путей отъ Оренбурга до Хивы, которымъ ѣхало туда русское посольство, отправленное въ 1842 году съ полковникомъ Данилевскимъ, находится въ Базинеровомъ Naturwissenschaftliche Reise durch die Kirgisiensteppe nach Chiwa. St. Petersburg. 1848. S. 42—118. Одомитрическое измѣреніе этого пути дало извилистую линію въ 1409 верстъ. Путь изъ Оренбурга до Хивы, которымъ слѣдовало въ 1858 году посольство наше туда подъ начальствомъ Игнатьева, описанъ г. Н. Залѣсовымъ въ „Военномъ Сборникѣ“ на 1858 годъ, книга VI, стр. 487—491, и книга VIII, стр. 491—497. Сверхъ того, описаніе пути изъ Хивы до Оренбурга, которымъ слѣдовали находившіеся въ плѣну у Хивинцевъ Андрей Никитинъ и портупей-прапорщикъ Мѣдяникъ, напечатано, со словъ ихъ, В. И. Далемъ, въ „Альманахѣ Владиславлева на 1838 годъ“, стр. 201—204, и въ „Литературной Газетѣ“ на 1840 годъ, № 14, стр. 326.

въ правой рукѣ; разстояніемъ до 900 верстъ; по сей и караваны ходять (2).

3. Отъ Монгишлакской пристани Сарташъ между Каспійскимъ моремъ и Аральскимъ озеромъ; разстояніемъ до 500 верстъ (3).

4. Удобнѣйшая, съ Уральской линіи выше Гурьева городка отъ форпоста Сарайчиковаго; разстояніемъ до 700 верстъ (4).

(2) Нынѣ этимъ путемъ караваны въ Хиву и обратно вовсе не ходять. Въ этомъ направленіи проѣхали въ Хиву изъ Оренбурга, въ 1741 году, геодезистъ Муравинъ, и въ 1841 — Капитанъ Генеральнаго Штаба Никифоровъ. Подробный маршрутъ Муравина напечатанъ въ „Географическихъ Извѣстіяхъ“ И. Р. Географическаго Общества на 1850 годъ, стр. 557—585. По этому маршруту насчитано отъ Оренбурга до Хивы 1472¹/₂ версты.

(3) Въ этомъ направленіи пролегаютъ также, не одна, а нѣсколько или, по крайней мѣрѣ, двѣ дороги: одна — на Куя-Ургенчъ, другая — прямо на Хиву. Дороги эти были въ теченіе долгаго времени самымъ обыкновеннымъ путемъ торговаго сообщенія Хивы съ Россією, черезъ Астрахань. Тою или другою изъ нихъ слѣдовали въ 1794 и 1795 годахъ, маіоръ Бланкеннагель, ѣздившій въ Хиву съ дипломатическимъ порученіемъ отъ Императрицы Екатерины II, и греческій митрополитъ Хрисанфъ, путешествовавшій по Азіи изъ любознательности. Но о дорогахъ этихъ означенныя лица не сообщили никакихъ свѣдѣній; равно какъ не сообщили ихъ о пути своемъ и англійскіе агенты, капитаны Абботъ и Шекспиръ, проѣхавшіе въ 1840 году изъ Хивы не на Мангышлакъ, а на бывшее Ново-Александровское Укрѣпленіе (при Кайдакомъ заливѣ Мертваго-Култука на Каспійскомъ морѣ). О Бланкеннагелевомъ пути см. въ „Вѣстникъ“ И. Р. Географическаго Общества на 1858 годъ, книжка 3; о митрополитѣ Хрисанфѣ — въ „Чтеніяхъ И. Московскаго Общества на 1858 годъ; о Шекспировомъ — въ Blackwood Magazine, за іюнь 1842; объ Абботовомъ — въ его Narrative of a journey from Herat to Khiva, Moscow and St. Petersburg London. 1843. По какой-бы дорогѣ, впрочемъ, ни ѣхать съ Мангышлака въ Хиву, разстоянія менѣе 1000 верстъ не будетъ. Въ послѣдніе годы ходъ каравановъ изъ Хивы изъ Мангышлака почти вовсе прекратился.

(4) Нижеслѣдующее подробное описаніе этой дороги, извѣстной подъ именемъ „Старой ногоайской“, тѣмъ важнѣе, что, судя по остат-

У сего форпоста, переправясь чрезъ рѣку Уралъ, дорога идетъ въ лѣво до рѣчки *Сагисъ*, растояніемъ около 80 верстъ, рѣчку сію переѣзжаютъ по нѣкотораго роду плотинѣ изъ тесаныхъ бѣлыхъ дикихъ камней, сдѣланной такъ, что вода по верху ея течетъ, имѣя глубины меньше четырехъ вершковъ. Строеііе сіе по словеснымъ преданіямъ есть одного изъ Чингизъ-хановыхъ сыновъ. Рѣчка *Сагисъ* впадаетъ въ соляное озеро *Тенъ-такъ-шуръ*, лежащее недалеко отъ рѣки Ембы, и въ немъ теряется ⁽⁵⁾.

камъ большихъ и прочныхъ путевыхъ по ней сооружений, каковы мосты, колодцы, каравансарай, укрѣпленія, — должно, съ полною достовѣрностію, заключать, что это во времена монгольскаго владычества и процвѣтанія Сарая на Волгѣ, а быть можетъ, и ранѣе того — еще въ періодъ Итиля и хазарскаго владычества — былъ главный путь, конимъ ходили торговые караваны изъ Средней Азіи въ Восточную Европу и обратно, переправляясь черезъ Уралъ у Сарайчика, нынѣшняго Сарайчиковскаго-Форпоста. Теперь этою дорогою караваны не ходятъ вовсе, а направляются изъ Хивы въ Оренбургъ и обратно однимъ изъ путей, о коихъ сказано въ примѣчаніи 1; потому и неизвѣстно, сохраняются ли по ней доселѣ, и въ какомъ видѣ, разныя путевыя сооружения, существовавшія, какъ видѣтъ изъ настоящаго описанія, еще въ началѣ настоящаго столѣтія.

⁽⁵⁾ Рѣка *Сагызъ*, имѣющая всего теченія 375 верстъ, дѣйствительно теряется, близъ береговъ Каспійскаго моря, въ огромныхъ солонцахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *Тинтякъ-Соръ*, „Дурацкихъ-Солонцевъ“. Это названіе *Тинтякъ-Соръ* носятъ и многіе другіе большіе солонцы въ Степи, напримѣръ находящійся по правому берегу р. Иргыза близъ озера Мельде-Куль. Вообще, названіе *соръ* или *суръ* присвоается Киргизами сухимъ и мокрымъ солонцамъ, составляющимъ одну изъ отличительныхъ особенностей степныхъ пространствъ Каспійскаго-Бассейна, и состоящимъ или изъ сѣроватаго сухаго соленаго илу, или изъ соленыхъ грязей, топкихъ, а нерѣдко и вовсе непроходимыхъ. „Иные солонцы (хоки) пересыхаютъ въ продолженіе лѣта“ — говорится въ „Военно-статистическомъ Обзорѣніи Зауральской-Степи Оренбургскаго вѣдомства“, изданіемъ Генеральнымъ Штабомъ (Спб. 1848, стр. 19)— „и представляютъ въ такомъ случаѣ твердый грунтъ, на которомъ копыта лошадей не оставляютъ даже слѣдовъ“. Такія, весьма часто встрѣ-

Отъ мосту дорога склоняется въ право до ключей *Кайнаръ*, разстояніемъ до 20 верстъ; тутъ имѣются развалины каменныхъ и кирпичныхъ зданій.

Отъ сихъ ключей до урочища *Баканчинъ* около 25 верстъ; къ нему переходъ чрезъ рѣку *Ембу* въ бродъ; таковыя же развалины и тутъ имѣются (6).

Къ сему же урочищу отъ показаннаго форпоста есть другая дорога камышами и между озеръ, имѣя рѣчку *Сагисъ* и озеро ее въ себя принимающее въ лѣвѣ; разстоянія до 100 верстъ.

Отъ урочища *Баканчинъ*, оставя *Ембу*, дорога склоняется нѣсколько къ берегамъ Каспійскаго моря до ключей *Учуканъ* (7); вода въ нихъ, солоноватая и прѣсная, соединяясь въ одинъ ручей, протекающій версты съ двѣ къ морю, впадаетъ разными ручейками въ земляные провалы и болѣе не показывается. Около ключей имѣются развалины каменныхъ зданій, строенные, по словамъ кочующихъ, ордами *Чингизъ-хана*. Въ сторону, съ правой руки до 3-хъ верстъ, есть озеро, именуемое *Учуканскимъ* же, въ немъ соль сухая, ко употребленію весьма хорошая; длиною сіе озеро до 15, а широтою съ полверсты.

Отъ *Учуканъ* ключей, гладкою безводною степью, кочевьями киргизскими до горы *Чинъ* съ 90 верстъ; на всякой станціи

чающіяся по правому берегу Сыра, пространства желтоватой или бѣлосоватой глины, крѣпко-накрѣпко засохшей подъ вліяніемъ палящихъ лучей солнца, и принявшей почти глянцевитую поверхность, не суть солончаки, и называются по-киргизски не *хакъ* и не *соръ*, а *такыръ*; *хакъ* значитъ просто-на-просто „болото“ или „топкое мѣсто“, почему *хакомъ* и называется и *такыръ*, когда онъ покрытъ весеннею водою отъ стаявшаго снѣга. По Левшину („Описаніе Киргизъ-Кайсацкихъ ордъ и степей“, I, 131), черезъ *Сагызъ*, по описываемой дорогѣ, переправляются близъ развалинъ древняго укрѣпленія, называемаго *Узунъ-тамъ*.

(6) По Левшину (I. с.), это развалины древняго кладбища, которое зовется не *Баканчинъ*, а *Бакашъ-ауылъ*.

(7) *Учуканъ* есть, по всей вѣроятности, испорченное *Учь-аканъ* „три ручья“.

въ трехъ мѣстахъ сего разстоянія имѣются развалины каменныхъ строеній изъ бѣлаго дикаго камня, родъ крѣпостей. Гора Чинъ, начавшись съ запада у Мангишлака, продолжается разными возвышеніями, склоняясь къ юго-востоку степью, почти на 500 верстъ, до песковъ большихъ *Бурсукъ* ⁽⁸⁾. Лѣсу, кромѣ кустарниковъ, по всей дорогѣ и по самой горѣ вовсе никакого не имѣется. Дорога на гору подымается до 20 верстъ; пройдя 15, къ правой рукѣ есть родникъ хорошей воды; въ лѣвой же, на самыхъ вершинахъ горы, стоятъ три крѣпостцы, могущія помѣстить каждая до 300 человекъ; разстояніемъ одна отъ другой въ полуверстъ; построены изъ плитъ бѣлаго крѣпкаго камня, и многія около ихъ развалины. Поднявшись на гору, открывается равнина до 200 верстъ, склоняясь въ лѣво къ Аральскому озеру.

Отъ родника хорошей воды до палатъ *Куптамъ*, гдѣ имѣются и другія еще зданія, столько же верстъ. Строенія сіи изъ четверугольнаго кирпича на известковой смазкѣ, стоятъ по обѣимъ сторонамъ дороги въ разныхъ мѣстахъ; разстояніями одно отъ другаго по верстѣ и болѣе. Тутъ же имѣются два колодезя хорошей воды, выложенные кирпичемъ, около коихъ можно насчитать до 10 зданій, а всѣхъ болѣе 30: всѣ безъ крышъ со сводами, и многія изъ нихъ цѣлы.

Отъ палатъ *Куптамъ* до двухъ копаней чистой воды, называемыхъ *коши*, до 30 верстъ, съ переходомъ песковъ *Шамъ* ⁽⁹⁾;

(8) Горы, или даже грады горъ, которая-бы называлась *Чинъ*, не существуетъ; а зовется не *Чиномъ*, а *Чинкомъ* обрывъ, мѣстами крутой, мѣстами довольно-отлогій, которымъ плоская возвышенность Усть-Урта переходитъ, съ юга и сѣвера, въ прилегающія къ ней низменныя равнины Туркменскихъ и Киргизскихъ степей, а съ запада и востока упирается въ Каспійское и Аральское моря. Впрочемъ, сѣверо-западный чинкъ Устьурта носить у Киргизовъ имя „горъ“, именно зовутъ они его „Туманными Горами“.

(9) Пески эти зовутся Киргизами *Самъ*, а не *Шамъ*. Отсюда старая ногайская дорога идетъ, по Левшину (I. с.), на Айбогиръ (т. е.

пески сіи тянутся по длинѣ горы до 200 верстъ, имѣя въ поперечникѣ около 20: по всѣмъ пескамъ вода въ копаняхъ, не глубже полутора аршина, самая чистая. Трава по всему пространству горы двухъ родовъ: янтакъ способная для корму верблюдовъ, и карачульникъ — для лошадей и мелкаго скота (10).

Отъ копани Коши до ключа *Чурукъ*. Съ 30 верстъ отъ него къ лѣвой рукѣ имѣется большой лѣсъ, состоящій главнѣйше изъ дерева *Саксаулъ*, не столь высокаго, но толщиною до аршина (*); дерево въ рубкѣ твердое, но хрупкое, листь имѣеть продолговатый узкій, въ огнѣ горитъ жарко и къ дѣланію углей отнѣнно выгодно; на что по бѣльшой части и употребляется (11).

Отъ *Чурукъ* до двухъ колодязей *Бляули* до 50 верстъ; колодязи выложены кирпичемъ; подлѣ нихъ имѣется большая старая каменная палата съ одною башнею, родъ крѣпости, вышиною съ домъ, о дву-жилыхъ, со сводами и съ нѣсколькими во

Айбугиръ) черезъ колодцы Айдобулъ, Актюбя и Кургурукъ; описываемый-же путь на колодцы Коши, Чурукъ и такъ далѣе — составляетъ особую вѣтвь этой дороги.

(10) *Янтакъ*, по татарскому произношенію, или *джантакъ* по киргизскому, есть извѣстное *Alhagi camelorum* Fisch., описанное у Леденура въ *Flora Rossica*, I, 716. Какое-же растеніе называется въ настоящемъ описаніи *карачульникомъ*, мнѣ неизвѣстно: такого названія я и не слыхивалъ.

(11) *Саксаулъ* — это *Anabasis ammodendron* C. A. Mey. Описанъ у Леденура въ *Flora Altaica*, I, 375. Листья этого растенія, подобныя сосновымъ игламъ (**), служатъ, послѣ морозовъ, пищею для неприхотливаго киргизскаго скота, а стволъ и сучья составляютъ лучшее въ степи топливо. Растеніе это служитъ топливомъ и для пароходовъ на Сырь-Дарьѣ и Аральскомъ морѣ. По чрезвычайной плотности древесины, закрытый въ золу уголекъ саксаула сохраняетъ огонь сутки и болѣе; на водѣ саксаулъ тонетъ, а подъ топоромъ даетъ искры, и можетъ быть скорѣе изломанъ, нежели перерубленъ. Подробное описаніе саксаула см. у Базинера, I, с., S. 93—95.

(*) По Леденуру толщина ствола отъ 6 до 8 дюймовъ. Листья длиною отъ $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ линіи, чешуйчатые, собранные колечками.

(**) Это не листья а молодые вѣтви.

внутренности покоями, во многихъ мѣстахъ разбитая. Строеіе сіе по словеснымъ преданіямъ, есть одного изъ Чингизъ-хановыхъ сыновъ, шедшаго изъ Астрахани обратно въ Хивинскую землю.

Въ сей палатѣ долгое время имѣли пристанище разбойники изъ Каракалпакъ и Трухменцовъ, грабившіе ходившіе мимо сихъ мѣстъ караваны, или бравшіе за водопой съ проѣзжающихъ не малую подать. Киргизцы, дѣтъ 30 тому, наскучивъ симъ притѣсненіемъ, выгнали разбойниковъ изъ ихъ убожища и колодязи забросали пескомъ и камнемъ; съ тѣхъ поръ нѣтъ уже тутъ ни воды, ни разбойниковъ. Въ правую сторону до 50 противъ сего мѣста верстъ есть въ землѣ три глубокихъ провала, въ которыхъ шумъ какъ-бы текущей воды слышится ⁽¹²⁾.

Отъ Блявули до двухъ ключей, именуемыхъ *Кушбулакъ* около 50 верстъ; вода въ нихъ солоновата; вышеупомянутый лѣсъ примыкаетъ къ симъ мѣстамъ съ лѣвой руки. Пройдя отъ сего становища верстъ съ 10, дорога раздѣляется на двѣ:

Одна, прямо чрезъ городъ *Старый-Урианчи*, идетъ въ Хиву чрезъ продолженіе 300 верстъ, подаваясь болѣе въ правую руку; лѣтомъ безводная, идетъ кочевьями Караколпаконъ, имѣя Аральское озеро въ лѣвѣ, разстояніемъ до 50 верстъ. По сей дорогѣ, пройдя 10 верстъ отъ ея раздѣленія, въ сторону около пяти, есть островъ, имянуемый *Барса Кильмесъ*, то есть: „входящему путь невозвратенъ.“ Онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ мелкою соленою водою, или лучше соленою тиною до дву верстъ ширины. Самъ островъ продолговатъ, имѣя окружности до 15 верстъ; на срединѣ его примѣчается обширное старое зданіе, но невысокое, не извѣстно кѣмъ и когда построенное; называютъ еще сей островъ *волшебнымъ*, почитая его житіемъ

(12) Это общее въ Средней Азій повѣрье, о которомъ до послѣдняго времени нельзя было сказать опредѣлительно — вздорное оно или нѣтъ. Но въ 1858 году все пространство Усть-Урта было окончательно пройдено полунинструментальною съемкою, и теперь наука въ правѣ ожидать отъ гг. офицеровъ Корпуса Топографовъ при Отдѣльномъ Оренбургскомъ Корпусѣ, что они разъяснятъ въ чемъ тутъ дѣло.

нечистыхъ духовъ; по словамъ нѣкоторыхъ, бывавшихъ недалеко отъ сего острова, тамъ слышатся по вечерамъ и чрезъ всю ночь, разные голоса звѣрей, лай собакъ и крики ночныхъ птицъ, почему никто на оный и не ѣздитъ (13).

Другая дорога идетъ чрезъ *Конратъ*, отъ Кушбулака ключей до Аральскаго озера до 60 верстъ.

Отъ сего мѣста, дорога съ 10 верстъ спускается круто подъ гору, имѣя берега Аральскаго озера въ лѣвой рукѣ; спустясь подъ гору, съ правой стороны идетъ высокая гора съ разными холмами *Карауметъ*. Она начинается съ юга отъ Каспійскаго моря, идетъ на востокъ и оканчивается у песковъ Бурсукъ (14). По горѣ имѣется довольно лѣсу изъ дерева саксаулъ, дженгель и чангаль (15); сіе послѣднее имѣетъ пенъ,

(13) Солонецъ *Барса-Кильмасъ* показанъ на картѣ, приложенной къ путешествію Базинера въ Хиву, между параллелями Кара-Умбетъ и Коска-Джула, въ разстояніи 30—45 верстъ отъ дороги, идущей по низменности между помянутыми спусками съ Усть-Урта. О существованіи, посреди этого солонца, острова, на которомъ находится замокъ, упоминаетъ и Рукавкинъ, со словъ вожаковъ его Киргизовъ. Разъясненіе, что-такое этотъ замокъ, должно ожидать тоже отъ гг. офицеровъ Корпуса Топографовъ, производившихъ съемку Усть-Урта.

(14) *Карауметъ* и *Кара-Умбетъ*, или правильнѣе *Кара-Кумбедъ*, называется не какая-либо гряда горъ, а юго-восточный чинкъ или обрывъ Усть-Уртской плоской возвышенности, подобно тому какъ сѣверо-западный чинкъ или обрывъ Усть-Урта зовется „Туманными Горами“ (см. прим. 8). Затѣмъ въ частности названіе это (Кара-Кумбедъ) носитъ подъемъ на Усть-Уртъ, находящійся не вдалекѣ отъ мыса Урга.

(15) О саксаулѣ сказано выше. *Джесталь*, правильнѣе *джанталъ*, называется русскими „гребенщикъ“, по Линнею *Tamarix Gallica*, описанъ у Ледебура въ *Flora Rossica*, II, 134. Кустарникъ этотъ, достигающій иногда высоты 10 и болѣе футовъ, растущій нерѣдко густыми рощами, листомъ сходный съ кипарисомъ, а цвѣты имѣющій кистеобразныя, красно-лиловаго цвѣта, — составляетъ лучшее украшеніе степей. *Чангаль*, правильнѣе *чинель*, — не высокій кустарникъ съ колючими иглами, который, видѣли мы, густо покрываетъ многія пространства по берегамъ Сыра. Какъ окрещенъ онъ учеными ботаниками, не знаемъ. Во всякомъ

покрытый большими крѣпкими иглами. По вершинѣ горы стоятъ 12 будокъ, разстояніемъ одна отъ другой до пяти верстъ, изъ плитъ бѣлаго камня сдѣланныя, какъ увѣряютъ, какимъ-то Кари-ханомъ ⁽¹⁶⁾. Дорога, продолжаясь около камышей и горъ, отдѣлившихся отъ Карауметъ горы, лежитъ по берегу Аральскаго озера по каракалпацкимъ кочевьямъ до Конрата 60 верстъ ⁽¹⁷⁾. Народъ конратскій, состоящій наиболѣе изъ Узбековъ однород-
цевъ съ хивинскими, и частію изъ Каракалпаковъ и Трухменцовъ, именуется также и Аральскимъ, по кочевьямъ его около Аральскаго озера ⁽¹⁸⁾. *Конратъ* же, дающій ему сіе названіе, есть въ ихъ кочевьяхъ главное мѣсто, обнесенное землянымъ валомъ, окруженностію до 20 верстъ; валъ вышины до двухъ аршинъ съ нѣсколькими выѣздами, которые въ нужныхъ случаяхъ заставляются рогатками и телегами; въ сію окружность собираются они съ семействами своими во время зимнее; жителей у сего народа считается болѣе ста тысячъ ⁽¹⁹⁾.

Рѣка *Аму-Дарья*, въ древности называлась Оксусъ; потомъ Гигонъ. Отъ Конрата до кочевья *Кизиль-хозя* ѣдутъ въ верхъ

случаѣ киргизское названіе его должно быть въ связи съ персидскимъ *джебель*, которое вошло въ англійскій языкъ въ видѣ *jungle*.

⁽¹⁶⁾ Объ этихъ „будкахъ“ или башняхъ, см. Базинера. I. с., р. 88 — 89.

⁽¹⁷⁾ Описывая эту дорогу, слѣдовало упомянуть, что на пути отъ Кара-Кумбеда до Конграда надо переправляться черезъ Айбугирскій заливъ Аральскаго Моря.

⁽¹⁸⁾ Никакого „Аральскаго народа“ или „Аралинецъ“, въ этнографическомъ смыслѣ, никогда не было, а назывались такъ Узбеки, поселившіеся въ низовьяхъ Аму-Дарьи, около Аральскаго-Моря, и, вмѣстѣ съ Каракалпаками, составлявшіе въ разное время отдѣльное отъ Хивы владѣніе, главнымъ городомъ котораго былъ Кунградъ.

⁽¹⁹⁾ Подробности о *Кунградѣ* изъ 1840-хъ годовъ см. у Данилевскаго, въ его „Описаніе Хивинскаго Ханства“ (помѣщенномъ въ „Запискахъ И. Р. Геогр. Общества“, книга V, стр. 106—107). Въ настоящее время разоренный нѣсколько разъ Хивинцами и Туркменами, Кунградъ почти-совсѣмъ опустѣлъ.

по лѣвому же берегу Аму Дарьи, лѣсомъ и кочевьями Каракалпакъ: разстояніе до 120 верстъ.

Кизиль-Хозя обнесенъ стѣною изъ глины и дерну; кочевыхъ кибитокъ полагаютъ въ немъ до 700, жителей до 3000, собирающихся съ пашень зимою ⁽²⁰⁾.

Отъ *Кизиль-Хозя* — по той же сторонѣ рѣки, кочевьями Трухменцовъ до *Мангута* 30 верстъ: обнесенъ валомъ; кибитокъ здѣсь до 2000, жителей до 8000 ⁽²¹⁾.

Между *Кизиль-Хозя* и *Мангутомъ* въ лѣвой рукѣ, на самой Аму-Дарьѣ, крѣпость земляная *Копчакъ*; жители въ ней Узбеки, числомъ до 1500 ⁽²²⁾.

Всѣ сіи четыре кочевья, бывшія прежде въ зависимости Узбековъ хивинскихъ, назадъ тому 8 лѣтъ, отъ нихъ отложились, платя только нынѣ имъ 2000 червонныхъ бухарскихъ въ годъ; управляются же выбраннымъ изъ ихъ роду Узбеками Ходжамратомъ и Тюрсмератомъ, братьями, подъ названіемъ Бекъ ⁽²³⁾. Первому болѣе 60, а второму съ небольшимъ 50

⁽²⁰⁾ Подъ *Кизиль-Хозя*, здѣсь упоминаемымъ, не слѣдуетъ разумѣть городъ, называемый вообще *Ходжейли*, или правильнѣе *Хаджа-Или* [по-причинѣ населенія его состоящаго преимущественно изъ Ходжей. См. объ этомъ у Данилевскаго, I. с., р. 114, и „Свѣдѣнія о Хивинскомъ Ханствѣ“, помѣщенные въ журналъ Мануфактуръ и Торговли за 1833 годъ, мѣсяцъ апрѣль, стр. 144], находящійся на пути между Кояградомъ и Мангутомъ, а разрушившуюся крѣпостцу *Кызыль-Ходжа*, по показанію Ковырзина, находящуюся въ 8 верстахъ отъ Мангыта. См. Nachrichten über Chiwa, Bukhara и s. w., gesammelt von General-Major Gens und bearbeitet von Gr. V. Helmersen. St.-Petersburg. 1839. S. 19.

⁽²¹⁾ О *Мангутѣ*, правильнѣе *Манытѣ*, см. Данилевскаго, I. с., р. 108.

⁽²²⁾ О *Копчакѣ*, правильнѣе *Кипчакѣ*, см. тамъ же, стр. 105. По нашему „описанію“, какъ Кипчакъ, такъ и Мангытъ, обнесены глиняными или земляными стѣнами; ошибочно ли было это извѣстіе, или въ теченіи 40 лѣтъ стѣны эти совершенно развалились, только у Данилевскаго читаемъ, что оба означенные города ни стѣнъ, ни валовъ, не имѣютъ.

⁽²³⁾ Весьма любопытное извѣстіе объ историческомъ фактѣ, не бывшимъ доселѣ извѣстнымъ въ печати. Независимое существованіе

лѣтъ. Народъ меньшаго болѣе любить и уважаетъ за его тихій нравъ и храбрость.

Конратцы, будучи кочевой народъ, занимаются однимъ хлѣбопашествомъ, какъ и Хивинцы; не менѣе же упражняются въ рыбной ловлѣ по Аму-Дарѣ и въ Аральскомъ озерѣ при ея устьѣ. Неводы и бредни на подобіе нашихъ дѣлаютъ изъ своей собственной конопли, имѣя оную дикую и сѣянную.

Рыба у нихъ: бѣлуги, осетры, севрюга, стерляди, а болѣе сазаны и ази ⁽²⁴⁾; мелкой всѣхъ родовъ, и раковъ, великое изобиліе; черепахъ хотя небольшого рода, весьма довольно. Изъ домашнихъ птицъ держатъ одиѣхъ куръ; изъ домашнихъ скотовъ: коровъ, козъ, лошадей, ишаковъ или лошаковъ, но все въ маломъ количествѣ; для прокормленія-же себя вымѣниваютъ отъ Киргизъ и Каракалпакъ барановъ, быковъ, и проч. Дикіе звѣри въ лѣсахъ: барсы, волки, лисицы и караганки ⁽²⁵⁾; въ

Кунградскаго Владѣнія продолжалось, на сколько знаемъ изъ разсказовъ бывшаго въ плѣну у Хивинцевъ Ѳедора Грушина (см. „Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду“ на 1838 годъ, № 5 стр. 84), до 1815 года, или около того, когда онъ былъ взятъ и разоренъ Хивинцами; правителемъ его въ это время былъ Тюря-Суфи, предательски умерщвленный однимъ изъ своихъ приближенныхъ (см. Данилевскаго, I. с., р. 106). Съ тѣхъ поръ и до 1858 года ханы Хивинскіе владѣли Кунградомъ невозбранно; но осенью означеннаго года внукъ Тюря-Суфи, по имени Мухаммедъ-Фенагъ, соединившись съ Туркменами, вырѣзалъ Хивинскія власти въ Кунградѣ, и объявилъ себя независимымъ ханомъ (см. „Извѣстія“ И. Археологическаго Общества, т. II, выпускъ 3, стр. 163). Жалкое владычество его продолжалось всего до зимы 1859—1860 года, когда онъ былъ убитъ, и Кунградъ снова поступилъ подъ власть Хивинскаго Хана Сейидъ-Мухаммеда.

⁽²⁴⁾ Бывшій долгое время въ плѣну у Хивинцевъ, Ѳедоръ Грушинъ, хорошій рыбакъ, утверждаетъ, что острововъ въ Аму-Дарѣ нѣтъ, и не видно также ни севрюгъ, ни бѣлугъ, а много водится шиповъ. См. „Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду“ на 1838 годъ, № 5, стр. 85.

⁽²⁵⁾ Это ничто иное, какъ видоизмѣненіе обыкновенной лисицы, — у Палласа особый видъ: *Canis melanotus*. Караганки особенно многочисленны въ Бухаріи.

степяхъ корсаки, степныя кошки, шакалки, родъ малаго волка, зайцы, дикіе козы, сайги; по камышамъ около озеръ и рѣкъ великое множество кабановъ. Изъ произрастеній земныхъ, у нихъ одно, достойное примѣчанія: корень марены, растущій во множествѣ, которымъ они красятъ сами въ темно-красный цвѣтъ, и вывозятъ въ другія мѣста; сіе растеніе находится и въ Хивѣ ⁽²⁶⁾.

II. Владѣніе Хивинское.

Сія земля, состоящая изъ 8 городовъ и нѣсколькихъ между ими деревень, лежитъ вся отъ Аму-Дарьи въ лѣво, по ея теченію, на трехъ проведенныхъ изъ сея рѣки большихъ каналахъ, перекрещенныхъ отъ города къ городу и между собой многими малыми, при коихъ имѣются селенія, пашни, сады и разный около пашни лѣсъ, состоящій изъ саксауля, терема, кузюма, тутовъ и проч. ⁽²⁷⁾.

А. Описаніе городовъ и ихъ зависимости селеній, начавъ отъ пріѣзду съ Россіи.

1. Отъ Мангутъ до деревень *Гурлянъ*, 20 верстъ; дома въ сихъ селеніяхъ разсѣяны на 15 верстъ до крѣпостцы сего же имени;

⁽²⁶⁾ Въ началѣ настоящаго столѣтія марену изъ Хивы къ намъ не вывозили; вывозъ ея въ Россію, въ значительныхъ количествахъ, начался съ 1840 годовъ. Въ десятилѣтіе съ 1840 по 1850 годъ доставлено было въ Оренбургъ этого товару изъ Хивы слишкомъ 60,000 пудовъ на 175,000 руб. сер., въ пятилѣтіе съ 1850 по 1855—болѣе 110,000 пудовъ, на 290,000 руб. сер. См. П. И. Небольсина: „Очеркъ торговли Россіи съ Средней-Азіею“ (въ Запискахъ И. Р. Геогр. Общ. томъ X, стр. 310), и мой разборъ этого труда (въ „двадцать пятomъ присужденія Демидовскихъ наградъ“, Спб. 1856, стр. 173).

⁽²⁷⁾ О саксаулѣ сказано выше (прим. 11); *тутъ* есть шелковица; чтò-же такое *теремъ* (*) и *кузюмъ*—я не знаю. Это, по всей вѣроятности, ошибочно написанныя названія растеній, имѣющихъ другія имена.

(*) Теремъ есть вѣроятно испорченное *Теремъ*, — татарское названіе Горда (*Viburnum Lantana* L.); см. Анненковъ. Бот. Словарь, а можетъ быть Теремъ написано вмѣсто Терень (*Prunus spinosa*).

сдѣланы изъ глины. Крѣпость на каналѣ изъ Аму-Дарьи, окружена валомъ изъ глины жъ, со рвомъ, наполненнымъ водою; въ ней двое воротъ; въ крѣпости и въ деревняхъ полагается домовъ до 5000, жителей до 16000. Базаръ бываетъ, по четвергамъ и понедѣльникамъ, на полѣ, съ версту отъ города ⁽²⁸⁾.

2. Новый *Урганч* отъ Гурлянъ крѣпости до 35 верстъ; на каналѣ идущемъ отъ города Хивы. Обнесенъ глиняною стѣною и валомъ, имѣетъ двое вородъ. Въ городѣ до 20 мечетей, въ томъ числѣ большихъ три; но какъ мечети, такъ и дома всѣ изъ глины; домовъ въ городѣ до 1500, жителей 5000. Базаръ бываетъ въ городѣ по воскресеньямъ и средамъ; въ селеніяхъ, прилежащихъ сему городу, жителей полагаютъ до 50000 ⁽²⁹⁾.

3. Главный городъ, жилище хана и пребываніе правительства, есть *Хива*, отъ Новаго Урганчи до 40 верстъ, на каналѣ, проведенномъ дугою изъ Аму-Дарьи за 70 верстъ. Обнесенъ валомъ, и вновь построенною глиняною стѣною съ 12 башеньками. Стѣна сія вышиною до двухъ сажень, толщиною до пяти аршинъ; обведена водянымъ рвомъ, глубиною въ сажень и шириною тоже; все сіе сдѣлано не болѣе 20 лѣтъ ⁽³⁰⁾. Городъ имѣетъ трое воротъ:

⁽²⁸⁾ По Данилевскому (I. с., р. 104) и Базинеру I. с., р. 199) Гурлянъ вада и рва не имѣетъ.

⁽²⁹⁾ По Данилевскому (I. с., р. 109) и Базинеру (I. с., р. 197), отъ глиняной стѣны, окружавшей прежде Новый - Ургенчъ, остались только обломки, угловые башни и двое полуразвалившихся каменныхъ воротъ. Жителей въ городѣ полагаютъ, и тотъ и другой, не болѣе 2,000, а домовъ до 300.

⁽³⁰⁾ Извѣстны для плана Хивы: одинъ, снятый въ 1740 году инженеромъ Назимовымъ (изданъ П. С. Савельевымъ при статьѣ его „Хива за сто лѣтъ назадъ“, напечатанной въ „Сынъ Отечества“ на 1842 годъ, и другой, снятый въ 1842 году (изданъ при Базинеровомъ путешествіи въ Хиву), во время пребыванія тамъ русскаго посольства. Сличая оба плана, приходишь къ заключенію, что между нынѣшнею Хивою, и Хивою, какъ она была за 120 лѣтъ назадъ, нѣтъ ничего общаго; что это два совершенно разные города. Вѣроятно, Хива 1840 годовъ была разрушена Надиръ-Шахомъ до такой степени, что на мѣстѣ ея возникъ въ

одни главные на востокъ къ Новому Урганчи, другіе на югъ, къ Азарису; третьи на западъ, къ Трухменцамъ; но сіи всегда заперты.

Ворота деревянные, какъ и во всѣхъ хивинскихъ крѣпостяхъ. Въ городѣ: мечети, коихъ до 30, въ томъ числѣ большихъ три, караванъ-сарай, именуемый хивинцами ханскимъ дворомъ, и обывательскіе дома, всѣ изъ глины. Внутри города къ западной сторонѣ примкнутъ замокъ, именуемый *Арикъ* ⁽³¹⁾, обнесенный глиняною же стѣною равной вышины съ городской, толщиною въ полтора аршина, въ семь замкѣ, въ особомъ домѣ, не исходно живетъ ханъ; стража тутъ содержится ночью плѣнными и болѣе изъ русскихъ; предъ жилищемъ хана лежатъ на землѣ безъ лафетовъ три пушки: двѣ чугунныя по одному аршину, и одна мѣдная до трехъ аршинъ длины, всѣ безъ всякаго употребленія. Напротивъ сего замка имѣется въ городѣ высокая и довольно обширная башня, называемая *Медресъ* ⁽³²⁾, построенная изъ жженого кирпича съ четырьмя башеньками, одними воротами къ городу, и одною калиткою къ замку. Въ семь зданіи есть много обширныхъ покоевъ и оно служитъ убѣжищемъ для лучшихъ гражданъ во время случающихся здѣсь часто внутреннихъ смятеній; въ мирное-же время всегда обращается оное въ школу. Сія же башня служить, со временъ нашествія на Хиву персидскаго шаха Надыра ⁽³³⁾,

послѣдствіи совершенно-новый городъ. Это подтверждается и словами нашего „Описанія“, по коему стѣна около Хивы возведена въ 1780 годахъ. Эта стѣна обратилась со временемъ во внутреннюю, такъ какъ съ распространеніемъ города за ея предѣлы, въ 1842 году, онъ обведенъ былъ новою въ 6 верстъ 100 сажень окружностію. См Данилевскаго, I. с., р. 112. О Хивѣ въ 1858 году — у Н. Залѣсова, въ „Военномъ Сборникѣ“ на 1859 годъ, книжка первая, стр. 283 — 288.

⁽³¹⁾ *Арики* или кремли есть во всѣхъ большихъ азіатскихъ городахъ.

⁽³²⁾ *Медресомъ*, или правильнѣе *Медресе*, „семинарію“ называется не башня, а зданіе, при которомъ башня построена.

⁽³³⁾ Нашествіе Надыръ-Шаха на Хиву было въ 1841 году.

подзорнымъ мѣстомъ, съ котораго наблюдаютъ, чтобы непріатели неучинили нечаяннаго нападенія на городъ. Домовъ въ городѣ до 3000, жителей до 10000 ⁽³⁴⁾. Базаръ бываетъ въ главной улицѣ, идущей отъ урганчскихъ воротъ, по пятницамъ; городъ окружается со всѣхъ сторонъ виноградными и плодовитыми садами, хлѣбопахатными землями и селеніями, ему принадлежащими, въ которыхъ считается до 50000 душъ.

4. Отъ Хивы къ сѣверу въ 25 верстахъ, на одномъ каналѣ съ Урганчи, лежитъ городъ *Шабатъ*, обведенный землянымъ валомъ и старою глиняною стѣною съ одними воротами; въ немъ двѣ мечети, домовъ до 500, жителей до 2000. Базаръ бываетъ по пятницамъ ⁽³⁵⁾.

5. Отъ Шабата 15 верстъ, въ низъ по тому же каналу построенъ *Кетъ*. Сей городъ обведенъ глиняною стѣною и ровомъ съ одними воротами; въ немъ двѣ мечети, дворовъ до 30, жителей до 1500 человекъ; торговать ѣздятъ въ другіе города ⁽³⁶⁾.

6. *Анбари*, небольшая крѣпостца, лежащая въ сторону къ пескамъ и кочевьямъ Трухменцевъ, между Кетомъ и Шабатомъ, на каналѣ изъ Шабата проведенномъ; окружена землянымъ валомъ съ одними воротами; въ ней: мечеть одна, домовъ до 200, жителей, Трухменцевъ, до 1000. Во всѣхъ селеніяхъ, окружающихъ сіи три крѣпостцы, жителей можно полагать до 40000 ⁽³⁷⁾. Недалеко отъ сего города имѣется озеро соли, которою снабжается не только вся Хива, но частію и Трухменцы; промыслъ

⁽³⁴⁾ Число жителей города Хивы въ 1840 годахъ Данилевскій (I. с., р. 113) полагалъ не болѣе 4,000, а Базинеръ (I. с., р. 197) до 5,000 душъ. Мечетей насчитали оба 17, а Медресе 22.

⁽³⁵⁾ *Шабатъ* правильнѣе *Шахъ-Абатъ*. См. объ немъ Данилевскаго. I. с., р. 114.

⁽³⁶⁾ *Кетъ*, или *Кятъ*, какъ видно изъ Данилевскаго (I. с., р. 108) почти совсѣмъ пришелъ въ разрушеніе—онъ насчиталъ здѣсь не болѣе 50 и то развалившихся домовъ.

⁽³⁷⁾ *Анбари* правильнѣе *Амбаръ*. О положеніи его въ 1840 годахъ см. Данилевскаго, I. с., р. 103.

сей есть совершенно свободный, и соль продается по базарамъ, какъ обыкновенный товаръ. Конратцы привозятъ также каменную соль отъ горы Карауметь.

7. Отъ Хивы къ востоку, вверхъ по каналу до 35 верстъ, лежитъ городъ *Ханка*, обнесенный валомъ съ двумя воротами и водянымъ рвомъ; въ немъ: двѣ мечети, домовъ до 500, жителей до 2000; въ селеніяхъ же, ему принадлежащихъ, до 25000. Базаръ бываетъ по пятницамъ ⁽³⁸⁾.

8. Отъ Хивы на юго западъ, а отъ Ханки до 35 верстъ, на особомъ каналѣ, проведенномъ выше всѣхъ съ Аму-Дарьи, лежитъ городъ *Азарисъ*; обнесенъ глиняною стѣною и водянымъ рвомъ, съ одними воротами; въ немъ мечеть одна, домовъ до 400, жителей до 1500; а въ селеніяхъ его вѣдомства до 10000. Торги бываютъ по воскресеньямъ ⁽³⁹⁾.

Сверхъ оныхъ городовъ, по вышепоказанной отъ Кушбулака прямой къ Хивѣ дорогѣ, на самомъ теченіи рѣки Аму-Дарьи, коимъ она прежде вливалась въ Каспійское море, отъ Конрата 100, отъ Хивы 170 верстъ, лежитъ опустѣвшій городъ и по нынѣ называемый *Старый Урганчи*, имѣющій крѣпкія древніе стѣны, хотя изъ плитъ глины. Окружность его полагаютъ до 50 верстъ; между многими развалинами видѣть можно: двѣ мечети, ханскій дворецъ и нѣкоторые дома, нѣсколько уцѣлѣвшіе, построенные изъ кирпича на основаніяхъ изъ дикаго камня. По словеснымъ преданіямъ, еще не старымъ, городъ сей весьма многолюдный и нарочито по своей обширной торговлѣ богатый, былъ всегдашнимъ пребываніемъ хановъ и правительства Хивинскаго; первое ему раззореніе и грабежъ причиненъ кал-

⁽³⁸⁾ О городѣ *Ханка* или *Ханки* см. Данилевскаго, I. с., р. III.

⁽³⁹⁾ *Азарисъ*, т. е. *Гезаръ-Аспъ*, „тысяча коней“. Нынѣ это мѣсто пребываніе хивинскихъ пнаковъ, или наслѣдниковъ престола, вслѣдствіи чего, быть можетъ, городъ сдѣлался гораздо значительнѣе противу того, какимъ представляетъ его наше „Описаніе“. Въ 1840 годахъ здѣсь было десять глиняныхъ мечетей и каменное медресе. См. Данилевскаго I. с., р. 142 и 198.

мыцкимъ Аюкъ-ханомъ, шедшимъ съ своими людьми изъ Китая въ Россію ⁽⁴⁰⁾; окончательное же его паденіе здѣлалось отъ самихъ Хивинцевъ, которые слыша о грабительствахъ и разбояхъ, чинимыхъ Стенькою Разинымъ по берегамъ Каспійскаго моря, и убоясь, чтобы сей отважный побродяга не пробрался къ нимъ по Аму-Дарьѣ, рѣшили сами теченіе ея отвести въ Аральское озеро, заваливъ истокъ, коимъ она впадала въ море. Успѣвъ совершенно въ семъ предпріятіи, они учинили всю сію страну безводною, и городъ отъ того неминуемо долженствовалъ опустѣть, ставши теперь пространнѣмъ мѣстомъ, наполненнымъ развалинами, между которыми развелся лѣсъ, состоящій по большей части изъ саксаула. Ханъ же и правительство переселены были сперва въ Новый Урганчи, теперь же находятся въ Хивѣ ⁽⁴¹⁾.

Между всѣми селеніями Хивинцевъ, разбѣянными по каналамъ, есть еще небольшія крѣпостцы, служація, какъ и города, для укрытія жителей отъ набѣговъ Каракалпакъ, Трухменцевъ и Киргизовъ.

Домы во всѣхъ городахъ и селеніяхъ Хивинскихъ изъ глины: большею частію безъ крышъ, безъ оконъ и безъ печей; зимою нагрѣваются очагами, похожими на камины.

⁽⁴⁰⁾ Извѣстно, что около 1686 года Аюка, ханъ Волжскихъ Калмыковъ покорилъ подъ власть свою мангышлакскихъ Туркменъ (см. „Историческое обозрѣніе Ойратовъ или Калмыковъ“ І. Бичурина. Спб. 1734, стр. 170); но чтобы онъ доходилъ до Куны-Ургенджа и разорилъ его, сомнительно.

⁽⁴¹⁾ Отводъ теченія Аму-Дарьи изъ Каспійскаго въ Аральское море, вслѣдствіе опасенія разбоевъ Стеньки Разина, — чистый вымыселъ, доказывающій только что разбойникъ этотъ дѣйствительно навелъ ужасъ на прилежащія къ Каспію страны; о томъ, что Аму-Дарья впадавшая прежде въ Каспій, перемѣнила теченіе, находимъ извѣстіе уже у Дженкинсона, за сто лѣтъ до разбоевъ Разина. Когда и отчего именно опустѣлъ окончательно Куны-Ургенчъ, положительно не извѣстно; а что это былъ некогда важнѣйшій городъ въ Хивинскомъ Оазисѣ, свидѣлствуется, кромѣ исторіи, и его развалинами. Объ нихъ и нынѣшнемъ населеніи этого мѣста см. Данилевскаго, I. с., р. 107—108, и Базинера, I. с., р. 97—102.

Б. Правленіе Хивинское.

Есть въ своемъ родѣ самое странное и неудобно-объяснимое ⁽⁴²⁾; ханъ, выбираемый изъ Узбековъ, есть главное лицо сего правленія, но власти и уваженія ни малѣйшей не имѣетъ. Жилище его обыкновенное, есть замокъ Арикъ, гдѣ онъ проводитъ свою жизнь съ весьма худымъ содержаніемъ въ истинномъ заключеніи, наблюдаемъ будучи въ малѣйшихъ своихъ дѣланіяхъ; все его властелинство заключается въ одномъ прикладываніи печати къ бумагамъ правленія; безъ чего никакія постановленія не имѣютъ силы, особливо въ дѣлахъ важныхъ, какъ и въ преступленіяхъ, заключающихъ смертную казнь. Повелѣнія и учрежденія всѣ выходятъ отъ его имени хотя объ нихъ онъ ничего не знаетъ; на примѣръ: богатый сартъ по малѣйшему подозрѣнію лишается жизни со всѣми родственниками и имѣніе ихъ обыкновенно забирается на ханскій дворъ; но ханъ не только ничего изъ сего не получаетъ для себя, но и не знаетъ когда сіе дѣлается. Нынѣшній Ханъ называется Аблязъ, лѣтъ 50, избранъ изъ Каракалпакъ; объ семействѣ его ничего неизвѣстно ⁽⁴³⁾.

⁽⁴²⁾ Въ примѣчаніи 27 къ изданнымъ мною запискамъ Бланкеннагеля о Хивѣ (см. „Вѣстникъ“ - И. Р. Геогр. Общества на 1858 годъ, книжка 3-я, стр. 112) я объяснилъ происхожденіе дѣйствительно страннаго положенія хановъ Хивинскихъ во второй половинѣ прошедшаго столѣтія, и указалъ на другія подобныя явленія въ исторіи.

⁽⁴³⁾ Аблязъ это *Абумъ-пази* сынъ Каиповъ, изъ рода Кайсацкихъ Хановъ, которыхъ въ прошедшемъ столѣтіи называли нерѣдко и Каракалпакскими. Въ подтвержденіе нашего „описанія“ считаю нелишнимъ привести слѣдующую выписку изъ неизданныхъ разсказовъ оренбургскаго мѣщанина Якова Петрова, находившагося въ рабствѣ у Бухарцевъ и Хивинцевъ съ 1787 по 1819 годъ. Въ Хивѣ, по словамъ Петрова, всѣми дѣлами ханства заправлялъ, въ его время, Авязъ-инакъ, а хономъ считался между тѣмъ какой-то каракалпакъ. „Каракалпакъ этотъ, разсказывалъ Петровъ, только имя ханское носить, дѣлами же его заниматься не допускаютъ. Только на смертные приговоры нужно его утвержденіе. Въ такихъ случаяхъ Авязъ-инакъ докладываетъ ему

Второй чиновникъ и главнѣйшій по ханѣ есть *Инакъ*; нынѣшній называется Авязъ-Мадалинъ, 50 лѣтъ, изъ Узбековъ конратскихъ, получившій сіе мѣсто насильно чрезъ нѣкоторыхъ приверженцевъ (44). Сначала онъ былъ жестокъ, но нынѣ умягчась и ставши правосуднымъ, любимъ и народомъ; управляетъ всѣмъ самовластно. Съ нимъ въ совѣтѣ присудствуютъ: *кушъ бети* Узбекъ; *митаръ*, вѣдающій всѣ доходы изъ Сартовъ; и *Аталыкъ* Унгурскій изъ Узбековъ же: по храбрости своей и довѣренности инака, начальствуетъ надъ военными. Прочіе города управляются *Аталыками*, назначаемыми собственно отъ

дѣло почтительнымъ манеромъ, и называетъ его царскимъ величествомъ а каракалпакъ только махнеть рукою и говорить: „какъ вы тамъ себѣ хотите, братцы“. Живетъ онъ за городомъ, въ особомъ для него назначенномъ домѣ, изъ котораго онъ не смѣетъ выходить, и къ нему опредѣленъ караулъ. Человѣкъ онъ молодой, и, не имѣя никакого дѣла, играетъ у себя на дворѣ съ ребятишками. Онъ имѣлъ жену одну, но пожелалъ имѣть другую, ему и дали. Даны ему также два аргамака и къ нимъ опредѣленъ человѣкъ, который ихъ кормитъ. Когда случается богатая свадьба, то и его приглашаютъ. Его одѣваютъ тогда въ парчевое богатое платье, сажаютъ на лошадь и водятъ съ церемонією по городу. Два человѣка ѣдутъ впереди его, два человѣка ведутъ лошадь его за поводъ, двое стремяна держатъ. А какъ побудетъ на пирѣ съ полчаса, отправляютъ его обратно и опять запираютъ“.

(44) Съ *Авльзъ-Бекомъ*, или правильнѣе *Эйвасъ-бекомъ*, пнакомъ Хивинскимъ, сыномъ Мухаммедъ-Эминъ-бека (это и значитъ *Мадаминъ*) мы знакомы уже изъ „замѣчаній“ Бланкеннагеля. Изъ „записокъ“ митрополита Хрисанѣа извѣстно, что онъ былъ живъ и правительствовалъ еще въ 1795 году. По настоящему „описанію“, относящемуся къ 1803 году, онъ даже и въ это время правилъ Хивою: когда же онъ умеръ-то, когда же властвовалъ и дѣйствовалъ знаменитый сынъ его Ильтнезеръ? Вѣдь, по Муравьеву (Путешествіе въ Туркменію и Хиву, ч. II, стр. 41), съ 1802 года на престолѣ Хивинскомъ сидѣлъ уже братъ Ильтнезеровъ Мухаммедъ Рахимъ! Дѣло въ томъ, что въ 1803 году Мухаммедъ Рахимъ не вступалъ еще на престолъ, а Эйвасъ-бека не было уже въ живыхъ и ханствовалъ въ это время Ильтнезеръ да авторъ настоящаго „описанія“ не зналъ объ этомъ.

инака, хотя именемъ ханскимъ, и за приложеніемъ его печати ⁽⁴⁵⁾.

Доходы ханскіе по большей части состоятъ: 1-е, въ поборахъ съ Сартовъ, которые налагаются смотря по состоянію, съ иной семьи отъ ста бухарскихъ червонныхъ до одного; и даже бѣдные платятъ часть червонца; Узбеки отъ сея подати совсѣмъ освобождены; 2-е, съ привозныхъ товаровъ получается 20-я часть золотомъ, или натурою; 3-е, съ Киргизовъ, за каждого приходящаго съ товаромъ верблюда, одинъ червонецъ, съ 24-хъ барановъ одинъ же червонецъ; сіе все вмѣстѣ составляетъ въ годъ около 3000 бухарскихъ червонцевъ, полагая каждый въ 10 рублей ⁽⁴⁶⁾. Податями наиболѣе отягощаютъ нашихъ купцевъ; поземельнаго сбора и съ отпускныхъ товаровъ пошлина не берется.

Правленіе Хивинское, какъ и весь народъ, будучи не насытимо падки къ корысти, чужды страннопріимства, не довѣрчивы, склонны къ буйству и грабежамъ, натурально не имѣютъ ни съ кѣмъ твердыхъ связей, основанныхъ договорами: всякое обѣщаніе, всѣ клятвы не воспренятствуютъ имъ при удобномъ

⁽⁴⁵⁾ Должности *Куш-бети* и *Метера* (а не *Митара*) существуютъ доселѣ. О правахъ ихъ и обязанностяхъ см. Данилевскаго, I. с., р. 133; Базинера, s. 246—247, и „свѣдѣнія о Хивинскомъ Ханствѣ“, помѣщенные въ журналѣ Мануфактуръ и Торговли за 1843 годъ (мѣсяцъ апрѣль, стр. 157). Последняя статья принадлежитъ М. Н. Иванину, а не Ханыкову, какъ ошибочно показано у Базинера. Объ *Аталыкахъ*, какъ городоправителяхъ, упоминается лишь у Ковырзина (*Nachrichten über Chiwa* s. 42). *Уйурскій* аталыкъ значитъ аталыкъ изъ *Уйуровъ* или надъ *Уйурами*, узбекскимъ родомъ отличавшимся особою храбростію и строптивостію. Объ этихъ Уйгурахъ много говоритъ Ковырзинъ (I. с., р. 14, 18, 30), но изъ позднѣйшихъ путешественниковъ ни у кого не находимъ объ нихъ ни слова.

⁽⁴⁶⁾ Т. е. 10 рублей ассигнаціонныхъ. О статьяхъ Государственнаго или Ханскаго дохода и расхода въ Хивѣ см. у Данилевскаго. I. с., р. 135—138; у Базинера, I. с., р. 249—251, и у Иванцова, I. с., р. 147—149.

случаѣ сдѣлаться вѣроломными; при видѣ опасности все обѣщаютъ; но въ истинномъ намѣреніи изпровергнуть все хитростію и обманомъ (47).

Всегдашняя вражда Хивинцевъ съ Конратцами, Каракалпаками иногда и Трухменцами производить часто кровавыя драки. Главнѣйшая ихъ военная сила состоитъ изъ конницы, вооруженной луками, копьями, нѣсколько саблями и рѣдко огнестрѣльнымъ оружіемъ, у котораго вмѣсто огнива фитили. Образъ нападенія ихъ толпою; лучшая выгода если могутъ сплоснить непріятеля, и напасть на него нечаянно. Но если случится сопротивленіе, особенно увидятъ падающихъ смертельно пораженныхъ, тотчасъ разсыпаются, не зная совѣмъ возвращенія къ бою. По важности тревоги, иногда вооруженіе бываетъ поголовное; также выходитъ и нѣсколько иногда пѣхоты, состоящей изъ мангутцевъ, которыя почитаются у нихъ воинственнѣйшими. Отъ пяти, до десяти тысячъ обученнаго войска съ нѣсколькими орудіями, не только могутъ весьма удобно укротить всѣ рои сихъ стѣпныхъ витязей, но и заставить ихъ снова прочистить теченіе Аму-Дарьи въ Каспійское море (48).

(47) Едва-ли есть другой народъ въ мірѣ, на счетъ котораго были-бы согласны такъ свидѣтельства, какъ относительно коварства и лживости Хивинцевъ. Объ нихъ не сказалъ добраго слова ни кто, кажется, кто имѣлъ съ ними дѣло. Рѣзче всѣхъ выразился Бланкеннагель: „чувствованія чести никогда не обременяли души Хивинской“, пишетъ онъ, и съ этимъ приговоромъ, зная Хивинцевъ, нельзя не согласиться. Да и вся исторія Хивинскаго Ханства служить тому подтвержденіемъ.

(48) Вопросъ о томъ, текла-ли когда Аму-дарья въ Каспійское море, если не всѣми водами своими, то хотя однимъ рукавомъ, такъ важенъ, и занималъ уже столько умовъ, что говорить объ немъ вскользь не приходится. Мы принадлежимъ къ числу тѣхъ, которые думаютъ, что одинъ изъ рукавовъ Аму могъ нѣкогда вливаться въ Каспій, и что по этому можно было-бы даже и въ настоящее время, попытаться обратить часть водъ Аму въ это прежнее ложе. Доказательства представимъ когда-нибудь въ особомъ изслѣдованіи о предметѣ.

В. О свойствахъ климата и земли.

Климатъ во всѣхъ сихъ мѣстахъ умѣренъ, и для здоровья человѣческаго довольно благопріятенъ. Воздухъ по большей части бываетъ сухъ, но жары сносны; зима непродолжительна; вода, хотя замерзаетъ, но не на долго; снѣгъ выпадаетъ нѣсколько разъ, но лежитъ не болѣе одного или двухъ дней. Дожди осенью.

Почва земли состоитъ изъ легкой красноватой глины, весьма удобной для удобренія. Не извѣстно ни чего точнаго о внутренностяхъ земли кромѣ повѣствованій многихъ очевидцевъ о богатыхъ серебрянныхъ и золотыхъ рудахъ.

На правой сторонѣ Аму-Дарыи, противъ Хивинскихъ владѣній, лежитъ гора о многихъ возвышеніяхъ, именуемая *Ванслы-кара*, также *золотая*. Гора сія, начинаясь на западѣ отъ Кизиль-Хозя тянется въ верхъ по Аму-Дарьѣ на востокъ къ городу Урганчи до 80 верстъ; поперешникъ ея въ иныхъ мѣстахъ до 40 верстъ, по ней не малой лѣсъ изъ дерева саксауль. на сей горѣ имѣются двѣ мечети, построенныя изъ бѣлаго дикаго камня; первая отъ Урганчи, подымаясь съ берегу рѣки около 2 верстъ, называется *Шихи Аббасъ*; вторая, внизъ отъ сея по теченію рѣки верстъ съ 15 на вышинѣ горы противъ крѣпости Гурлянъ, именуется *Ваислы-Кара*; въ ней похороненъ пустынный сего имени, отъ коего и гора получила названіе ⁽⁴⁹⁾. Отъ сея мечети внизъ до 25 верстъ, противъ города Мангутъ, по вершинѣ горы, находятся многія разработанныя ямы, весьма глубокія, изъ коихъ прежде доставались серебрянныя и золотыя руды; но со временъ Бекича ⁽⁵⁰⁾ подъ смертію запрещено

⁽⁴⁹⁾ Подъ именемъ *Ваислы-Кара* описывается здѣсь горная цѣпь, извѣстная вообще подъ названіемъ *Шейхъ-Джели*, о которой и см. у Данилевскаго, 1. с., р. 69—70. О существованіи мечетей на этихъ горахъ въ другихъ источникахъ о Хивѣ, сколько извѣстно мнѣ, не упоминается.

⁽⁵⁰⁾ Т. е. князя Бековича, о несчастной экспедиціи котораго въ Хиву, см. Г. Ф. Миллера: „Описаніе Каспійскаго моря и чиненныхъ на

не только работать, но и приближаться къ симъ ямамъ; запрещеніе, относящееся наипаче къ сокровищу отъ Россіянъ сихъ сокровищъ; для лучшаго же охраненія сихъ важныхъ мѣстъ имѣется тутъ стража ⁽⁵¹⁾. Были примѣры, что не взирая на караулъ, многіе ходили воровать тамъ руды, и многіе за то пострадали. Гора съ возвышеніями состоитъ изъ камней черноватыхъ и пестрыхъ съ зеленью, также изъ бѣлыхъ съ такою же пестротою. На ней же находятъ сердолики и нѣкоторый родъ бирюзы; по всей горѣ и болѣе къ ямамъ водится великое множество змѣй, но не ядовитыхъ.

Г. Земныя произрастенія.

Земля хивинская, будучи весьма удобна для удобренія, воздаетъ за труды своимъ дѣлателямъ довольно щедро. Въ садахъ хивинскихъ можно видѣть всѣхъ родовъ плодовыхъ деревья, приносящія изящнаго вкуса плоды; тутъ рождаются яблоки, груши, бергамоты, сливы, вишни, абрикосы, грѣцкіе орѣхи и фисташки;

ономъ россійскихъ завоеваній“. Спб. 1763, стр. 4—26; и А. Н. Попова: „Сношенія Россіи съ Хивою и Бухарою при Петрѣ Великомъ“ (въ „Запискахъ“ И. Р. Геогр. Общества, т. IV) стр. 239—267.

⁽⁵¹⁾ Имѣются дѣйствительно въ горахъ Шейхъ-Джели золотыя и серебряныя руды, или существованіе ихъ здѣсь есть изобрѣтеніе Хивинцевъ, положительно неизвѣстно, потому что горы эти не были изслѣдованы ни кѣмъ изъ европейскихъ геогностовъ, а болтовнѣ азіатцевъ и бывшихъ въ Хивѣ русскихъ плѣнниковъ, довѣрять въ этомъ отношеніи нельзя. Впрочемъ, даже изъ сказанныхъ плѣнниковъ, одинъ Андрей Никитинъ рассказываетъ, что Ханъ Алла-Куль приказалъ привезти руды изъ горы, которая отстоитъ отъ Хивы на пять дней ходу (значитъ изъ Шейхъ-джелійскаго кряжа), и велѣлъ русскимъ плѣнникамъ плавить руду эту на серебро; но тѣ попытавшись, отвѣчали, что плавить изъ нея можно, да не серебро, а олово (см. „Альманахъ на 1858 годъ“, изданный Владиславлевымъ, стр. 207). См. также Базинера, I с., р. 174—175. По показанію Ковырзина, стражи на горахъ нѣтъ, потому что Хивинцы убѣдились будто-бы въ несуществованіи здѣсь золота (I. с., р. 2).

винограду разныхъ родовъ собирается довольно; но винъ изъ онаго не дѣлають, или по неумѣнію, или по закону. Тутовыя деревья осыняютъ почти всѣ каналы и протоки, чрезъ нихъ выкармливается великое множество червей, доставляющихъ знатное количество шелку.

Въ огородахъ родятся отличныя дыни ⁽⁵²⁾, разнаго рода арбузы, морковь, рѣдка, лукъ и проч.

На поляхъ сѣютъ: хлопчатую бумагу въ великомъ количествѣ, сорочинское пшено, пшеницу, ямень, проса, горохъ, бобы, чечевицу, льняное сѣмя, *кунжунъ* персидскій для масла, и *джеиуру*, растеніе наподобіе тростника, имѣющее довольно высокій, толстый стволъ и длинный листъ; на самой верхушкѣ его вырастаетъ большая шишка, изъ которой получается отъ одного до двухъ фунтовъ мелкаго продолговатаго гороху: мука изъ сего сѣмени, хотя нарочито бѣла, но для дѣланія хлѣба неудобна; сѣмя сіе употребляется наиболѣе для корму лошадей и на дѣланіе крупы; сѣмена для муки мелють жерновами ручными; крупу толкутъ въ ножныхъ ступкахъ — работа ежедневная для невольниковъ и крайне тяжкая ⁽⁵³⁾.

Сады, огороды, и самыя пашни, по причинѣ сухаго климата, неминуемо требуютъ поливки; и какъ всѣ земли между городами и селеніями составляютъ совершенную равнину, и къ тому перерѣзаны многими каналами и водяными протоками, то, спу-

⁽⁵²⁾ Хивинскія дыни пользуются большою, и, надо сказать заслу- жанною, славою: онѣ весьма велики и мясо у нихъ не бланжеваго, а бѣлаго цвѣта, но аромата дыннаго онѣ не имѣютъ или весьма въ слабой степени. Ихъ привозятъ иногда въ Оренбургъ, зашитыя для сохранности, въ товарныхъ тюкахъ; но для этого дыни срываютъ неспѣлыя, онѣ дозрѣваютъ въ дорогѣ, и не имѣютъ настоящаго вкуса. У насъ хивинскія дыни разводятся съ успѣхомъ на Сыръ-Дарьѣ, и тамъ онѣ столь же вкусны и велики, какъ и на родинѣ.

⁽⁵³⁾ *Джеиура*, то-есть *Джуара* растетъ въ дикомъ видѣ, и у насъ на Сыръ-Дарьѣ. Это *Sorghum setaceum* Willd. См. Базинера, I с., р. 232 и 325.

ская воду изъ оныхъ въ приготовляемые борозды, поливаніе производится весьма удобно; работа сія исправляется невольниками, и обыкновенно ночнымъ временемъ.

Сѣно готовятъ кошеніемъ травы, обыкновенно два, а въ дождливое лѣто три раза ⁽⁵⁴⁾.

Домашніе скоты и птицы въ Хивѣ тѣ же, что и у Конратцевъ, дикіе звѣри также; изъ дикихъ птицъ въ лѣсахъ, кромѣ мелкихъ, не примѣчаются другія; на степяхъ же видны въ великомъ множествѣ дрофы, стрепеты, журавли, гуси, всѣхъ родовъ кулики, перепелки и прочія птицы, именуемые пролетными, которыя удаляясь на зиму къ югу, задерживаются здѣсь долгое время. Хивинцы производятъ птичью охоту соколами и ястребами, получая оныхъ изъ Россіи.

Д. Рукодѣлія и промышленность.

Мануфактуръ, фабрикъ и всѣхъ иныхъ общихъ заведеній въ Хивѣ, какъ и у Конратцевъ, вовсе не имѣется. Шелкъ и хлопчатая бумага, произведеніе ихъ страны, перерабатывается частно въ домахъ женскимъ поломъ. Ткани ихъ шелковыя, полшелковыя и чисто бумажныя, всегда полосатыя, называемыя *сусы*, употребляются ими на дѣланіе халатовъ; изъ бумаги же ткутъ они еще грубыя полотна: некрашенныя, именуемая *Бязи*, а сине окрашенныя *буяки*; также кушаки дешевой цѣны. Халаты обыкновенно подкладываютъ бѣлою бязью, со стеганьемъ на бумагѣ. Всѣ сіи издѣлія идутъ болѣе къ Киргизцамъ ⁽⁵⁵⁾.

Внутренняя торговля Хивинцевъ и Конратцевъ производится по городамъ въ базарные дни: тутъ они продаютъ и покупаютъ

⁽⁵⁴⁾ Можно замѣтить, что по малому количеству заготавлиаемаго сѣна, траву въ южной части ханства не косятъ косами, а жнутъ серпами.

⁽⁵⁵⁾ Въ точно такомъ же положеніи находится Хивинская промышленность и въ настоящее время. См. объ этомъ предметѣ у Ивана, 1. с., р. 133—140.

свои мѣстныя произведенія, для отвозу въ чужія земли; вымѣниваютъ отъ Киргизовъ, Каракалпаковъ и Трухменцевъ лошадей, быковъ, барановъ на хлѣбъ, на свои издѣлы и на привозимые ими изъ Россіи и Бухаріи товары. На всѣхъ базарахъ, особенно въ большихъ городахъ, невольники продаются и вымѣниваются какъ обыкновенный товаръ; Русскіе — отъ Киргизовъ, Персіане же — отъ Трухменцевъ. Обрядъ сея варварскія торговли есть истинный азіатскій, то есть: выправляютъ, заставляютъ показывать себя въ различныхъ положеніяхъ, и проч. и проч. Хивинцы доставляютъ сей товаръ въ Бухарію ⁽⁵⁶⁾.

Внѣшняя хивинская торговля производится караванами на верблюдахъ, которыхъ въ мартѣ мѣсяцѣ со всѣхъ городовъ Хивы и Конрата выходитъ до двухъ тысячъ. Въ Бухарію отвозятся хивинскія произведенія и издѣлы нужныя тамъ для Киргизовъ, торгующихъ прямо съ Бухаріею; отъ туда вывозятъ тонкую пряденую бумагу, шелкъ, кубовую краску, шелковыя бухарскія, индійскія и персидскія ткани, кисеи и каленкоры: все по большей части для женскаго пола. Отъ сихъ каравановъ не большая часть отдѣляется къ Астрахани, съ бухарскими и своими товарами ⁽⁵⁷⁾.

⁽⁵⁶⁾ Торгъ невольниками продолжается въ Хивинскихъ владѣніяхъ описаннымъ образомъ и нынѣ, съ тою только разницею, что не выводится на рынокъ русскихъ плѣнниковъ и плѣнницъ, — не потому что бы это было противно заключеннымъ съ Хивою договоромъ: такая бездѣлица не остановила бы Хивинцевъ, а потому, что не кому уже снабжать Хиву этимъ товаромъ. Бывшіе поставщики его Киргизы и частью прикаспійскіе Туркмены приведены нынѣ въ такое положеніе, что не смѣютъ промышлять этою торговлею; теперь киргизецъ подвергается законному преслѣдованію не только за похищеніе русскаго и продажу его въ рабство, — такихъ случаевъ давно не бывало, — а даже за держаніе у себя въ неволѣ раба персіанина, афганца и другаго азіатца. Нынѣ базары хивинскіе снабжаются невольниками и невольницами почти исключительно изъ Персіанъ, захватываемыхъ Туркменами при грабительскихъ вторженіяхъ ихъ въ восточныя области безсильныхъ шаховъ.

⁽⁵⁷⁾ Торговля съ Астраханью черезъ Александровское (бывшее

Важнѣйшее количество ихъ товаровъ идетъ къ Оренбургу, изъ коихъ самая большая часть, идучи степью, промѣнивается Киргизамъ на барановъ, которые доставляются въ іюлѣ на мѣновой дворъ оренбургскій, съ остатками ихъ собственныхъ товаровъ ⁽⁵⁸⁾.

Отъ насъ хивинцы вымѣниваютъ: червонцы, масловые сукна, юфть, полосное желѣзо и разную чугунную посуду, дощатую мѣдь, воскъ, медь, сахаръ, мелись, небольшое количество кошенили, сурикъ, пряныя коренья, сассапарель, пронизки, бисеръ, кровавикъ, моржовые зубы, всякіе гребни, змѣиные головки, ножи, ножницы, иглы, булавки, зеркальцы, сундуки большіе и малые, и другую мелочь на киргизкую руку. Возвращаясь отъ Оренбурга, промѣниваютъ паки Киргизамъ излишній товаръ на барановъ, которыхъ уже доставляютъ на зиму въ свое отечество ⁽⁵⁹⁾.

Вся внѣшняя Хивинская торговля, особенно ихъ собственными произведеніями и издѣліями, едва составляетъ цѣну 300 тысячъ рублей ⁽⁶⁰⁾.

Ново-Петровское) укрѣпленіе на Мангышлакѣ, нѣсколько лѣтъ уже какъ совершенно прекратилась, вслѣдствіе вражды Туркменовъ къ Хивинцамъ, и безсиліе послѣднихъ обуздать хищничество Туркменовъ.

⁽⁵⁸⁾ Точно также производится торговля Хивинцевъ съ Оренбургомъ и нынѣ, съ тою разницею только, что въ послѣднее время часть товаровъ хивинскихъ стала приходить въ Оренбургъ не прямо, а черезъ Бухару. Причиною этому относительная безопасность пути черезъ Бухару и другія обстоятельства, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться.

⁽⁵⁹⁾ Тѣже самые товары закупаютъ Хивинцы въ Россіи и теперь, и точно также часть ихъ, впрочемъ гораздо-меньшую, чѣмъ въ прежніе годы, сбываютъ дорогою въ Киргизской степи. Причиною послѣдняго обстоятельства то, что нынѣ русскіе товары, нужные для степи, высылаются туда русскими купцами, и вывозятся самими киргизами, между коими развелось весьма много мелочныхъ торгашей.

⁽⁶⁰⁾ Т. е. 300,000 р. асс. На какую сумму сбываютъ Хивинцы произведеній своихъ въ Бухару и сосѣднимъ Туркменамъ и Киргизамъ,

Е. Невольники въ Хивѣ.

Киргизы, врываясь воровски въ російскіе предѣлы, а Тухменцы въ персидскіе, похищаютъ немалое количество подданныхъ сихъ государствъ, и продаютъ оныхъ въ неволю Хивинцамъ, которые, находясь по мѣстному своему положенію между Россіею, Персіею и Бухаріею, съ нѣкотораго времени сдѣлали для себя изъ сего хищенія весьма прибыточную торговлю. Безъ посредства сей воровскій промыслъ не имѣлъ бы такого распространенія, ибо Киргизы, не имѣя въ Хивинцахъ всегда готовыхъ и удобныхъ покупателей плѣнныхъ, не стали бы такъ жадно воровать, поелику они сами весьма немного держутъ невольниковъ. Бухарцы также не слишкомъ падки брать сей товаръ съ первой руки, особливо Русскихъ. У Хивинцевъ и Конратцевъ плѣнныхъ російскихъ можно полагать гораздо за 15 тысячъ человекъ ⁽⁶¹⁾. Сіе число наполняютъ наиболѣе захваченные Киргизами, въ бывшее въ семъ краю смятеніе ⁽⁶²⁾ изъ Астраханской губерніи Россіяне и колонисты цѣлыми семей-

неизвѣстно; въ Оренбургъ же съ 1848 по 1850 привезено было хивинскаго товару почти на 1,400,000 р. сер.; и на ту же сумму въ пятилѣтіе съ 1850 по 1855 годъ; но съ 1855 года привозъ опять уменьшился, такъ что среднюю цифру годоваго вывоза въ Россію въ благополучныя для Хивы года можно принять 200,000 р. сер. См. П. И. Небольсина (I. с., р. 333) и мой разборъ его книги (I. с., р. 176).

(⁶¹) Впослѣдствіе, хотя и неудачной, Хивинской экспедиціи 1839—1840 года, почти всѣ находившіе въ предѣлахъ Хивы русскіе плѣнные были возвращены въ Россію. Съ тѣхъ же поръ, по причинамъ, изложеннымъ выше (прим. 57), русскихъ плѣнныхъ тамъ не имѣется — развѣ какіе нибудь старики, перепроданные изъ Бухаріи, впрочемъ, и о такихъ не слышно. О числѣ русскихъ плѣнниковъ въ Хивѣ, когда они тамъ были, см. показанія Никитина (I. с., р. 209), Грушина (I. с., р. 85), Рязанова (Утренняя Заря, альманахъ, на 1839 годъ, изд. Владиславлевымъ, стр. 87) и другихъ.

(⁶²) То-есть во время пугачевского бунта.

ствами, которые живутъ теперь въ сихъ мѣстахъ домами, лишены однако всякой свободы.

Персіянъ, называемыхъ отъ хивинцевъ Кызылбашами, гораздо болѣе Русскихъ. Каждый хозяинъ столько властенъ въ своемъ невольникѣ, что даже убить его можетъ, не давая за то никакого отвѣта.

Обыкновенныя работы невольниковъ: унавоживать и обрабатывать землю, на пашняхъ, огородахъ и садахъ; землю пахать на двухъ быкахъ малымъ плугомъ; въ огородахъ же копаютъ кирками; сѣять и убирать хлѣбъ; въ огородахъ садить овощи, въ садахъ ходить за деревьями; чистить каналы и протоки; спускать изъ нихъ воду для поливки; ежедневно молоть муку въ ручныхъ жерновахъ, и толочь крупу въ ножныхъ ступкахъ; дѣлать телеги и земледѣльческія орудія; словомъ, все домашнія тягости суть непрерывное упражненіе плѣнныхъ, такъ что не имѣютъ ни малѣйшаго времени во дни, кромѣ небольшихъ минутъ поѣсть и нѣсколькихъ часовъ соснуть, на отдохновеніе; малѣйшее упущеніе или остановленіе положенной работы наказывается всегда ударами плети.

Содержаніе ихъ пищу: двѣ пресныя изъ джегуры съ пшеничною мукою тоненькія лепешки на день, иногда жидкая пустая каша, и очень рѣдко небольшой кусокъ худаго мяса. Овощи и плоды не иначе позволяютъ ѣсть, какъ которые начинаютъ портиться. Изъ одѣянія одна рубаха изъ буюку на годъ; халатъ на два; обувь даютъ рѣдко и то изношенную; для постели даютъ небольшое количество соломы и тростника. Болѣе всего смотрятъ за невольниками, чтобъ они не имѣли какого бы то ни было оружія, даже ножей не позволяютъ имъ имѣть.

Три раза въ году, во время байрамовъ, даютъ невольникамъ свободу на два дни; и въ сіе только время они могутъ другъ съ другомъ видѣться.

Есть невольники, и особливо изъ Русскихъ, которые, накопивши кое какъ денегъ, могли откупиться; они завелись собственными домами, но свободы полной никакъ не имѣютъ: дается

имъ нѣсколько льготы въ работахъ; собственность однако ихъ всегда почитается имѣніемъ хозяина. Выкупъ и вывозъ плѣнныхъ изъ Хивы, особенно Русскихъ, всегда дѣлается тайнымъ образомъ отъ ихъ правительства, никогда сего не позволявшаго ⁽⁶³⁾.

Невольники Русскіе и Персіане всегда между собою дружны и суть первые враги Хивинцевъ.

Трухменцы и Каракалпаки имѣютъ также сихъ невольниковъ. Сверхъ сего, въ Хивѣ и Конратѣ весьма много есть бѣглыхъ солдатъ изъ російскихъ Татаръ ⁽⁶⁴⁾.

Ж. Населеніе и границы.

Хивинскаго владѣнія можно положить окружность до 350 верстъ. Границы его къ востоку: горы, пески и чрезъ степь Трухменцы, называемые *Тайка садра*, кочующіе къ Бухаріи ⁽⁶⁵⁾; къ югу — Трухменцы *Яюмутъ*, сидящіе между Персіею и Хивою ⁽⁶⁶⁾; къ западу Монгишлакъ и трухменскіе же два аула *Чаудверъ* и *Гидыръ* ⁽⁶⁷⁾; къ сѣверу Аральское озеро, Каракалпаки и Киргизцы.

⁽⁶³⁾ О положеніи, въ какомъ находились русскіе невольники въ Хивѣ, см. вышеупомянутыя (прим. 62) показанія Никитина и другихъ.

⁽⁶⁴⁾ Такихъ бѣглыхъ Татаръ и теперь много, не только въ Хивѣ, но и въ Бухарѣ, Ташкентѣ, Коканѣ, во всей Средней Азіи. Любопытныя показанія Никитина объ ихъ положеніи см. I. с., р. 205.

⁽⁶⁵⁾ Туркмень, которые-бы назывались *Тайка-Садра*, нѣтъ и не бывало. Здѣсь явно идетъ рѣчь о Туркменахъ колѣна *Теке* и *Арсари*, кочующихъ къ юго-востоку отъ Хивы, между Хивинскими и Персидскими предѣлами. Изъ двухъ именъ, этихъ слитыхъ вмѣстѣ, и сочинились не бывалые *Тайка-Садра*.

⁽⁶⁶⁾ *Яюмутъ*, правильнѣе *Яумудъ* или *Юмудъ* — сильное Туркменское колѣно, кочевья котораго находятся къ юго-западу отъ Хивы, частию по берегамъ Каспійскаго моря.

⁽⁶⁷⁾ *Чаудыръ* или *Чоудуръ* и *Идыръ*, а не *Гидыръ* — не аулы, а тоже колѣна Туркменскія. Нѣкоторая часть ихъ выселилась, въ началѣ настоящаго столѣтія въ предѣлы Астраханской и Ставропольской губерній.

Трухменцовъ, исключивъ родъ Тайкасадра, полагають до 40 тысячъ; управляются старшинами ⁽⁶⁸⁾.

Каракалпакъ — до 20 тысячъ; подвластны конратцамъ ⁽⁶⁹⁾.

Узбеки, дѣлясь на разныя отдѣленія, составляютъ Хивинцевъ, Конратцевъ или Аральцевъ, и Каракалпаковъ ⁽⁷⁰⁾. Старинныхъ же жителей сихъ земель называютъ они Сартами и Таджикиами, что значитъ купцовъ и простолюдиновъ ⁽⁷¹⁾.

⁽⁶⁸⁾ Туркменъ, колѣнъ Теке и Арсари, полагалось въ 1820 и 1830 годахъ, по соображеніямъ разныхъ путешественниковъ, до 130,000 кибитокъ, или до 550,000 о. п. душъ. (См. Бларамберга въ „Запискахъ“ И. Р. Географ. Общества книга IV, стр. 113). Число Туркменовъ прочихъ колѣнъ, по тѣмъ же соображеніямъ, простиралось тогда за 180,000 кибитокъ, или до 850,000 о. п. душъ (ibidem). Изъ нихъ, подчинявшихся Хивинскому хану и жившихъ въ предѣлахъ Хивинскаго-Оазиса, Данилевскій (I. с., р. 99) и Базинеръ (I. с., р. 203) считали всего отъ 5,000 до 7,000 кибитокъ.

⁽⁶⁹⁾ Число Каракалпаковъ въ Хивинскомъ ханствѣ Данилевскій (I. с., р. 99) и Базинеръ (I. с., р. 208) полагали въ 1840 годахъ отъ 8,000 до 10,000 кибитокъ. Въ то время ихъ было тамъ, быть можетъ, даже нѣсколько болѣе; но вслѣдствіе Туркменскихъ набѣговъ въ теченіи послѣднихъ пяти лѣтъ, число это уменьшилось едва ли не на половину да и эта половина, сколько извѣстно, вся почти выселилась въ Бухарскіе предѣлы; Киргизы-же кочевавшіе, вмѣстѣ съ Каракалпаками, въ низовьяхъ Аму-Дарьи, переебрались, за исключеніемъ нѣсколькихъ сотенъ кибитокъ, въ наши степи, такъ что низовья Аму-Дарьи остаются теперь почти безъ всякаго населенія.

⁽⁷⁰⁾ Узбеки есть особое отъ Каракалпаковъ племя, хотя одного съ ними языка и происхожденія. Хивинцами наше „описаніе“ называетъ по преимуществу Узбековъ верхней или южной части Ханства, а Конратцами-Узбековъ нижней или сѣверной части того же ханства, основывая это раздѣленіе на бывшей политической независимости послѣднихъ отъ первыхъ; собственно-же между Узбеками обѣихъ половинъ Хивинскаго-Оазиса нѣтъ никакой этнографической разницы. Тѣ же самые Узбеки-Конратцы (или правильнѣе Конрадцы) назывались и Аральцами, по мѣсту жительства своего около Аральскаго моря, какъ о томъ сказано выше (прим. 18). См. объ этомъ Данилевскаго, I. с., р. 91—92).

⁽⁷¹⁾ Что значитъ слова Сыртъ и Таджики — неизвѣстно, какъ

Населеніе Хивы можно полагать до 200,000; съ Конратами же болѣе 300,000 человекъ (⁷²).

В. Григорьевъ.

Оренбургъ.

Въ февралѣ 1861 г.

вообще неизвѣстно значеніе народныхъ именъ; объ этой части Хивинскаго народонаселенія см. Данилевскаго, I. с., р. 91, и Базинера, I. с., р. 203.

(⁷²) Н. Н. Муравьевъ опредѣлялъ народонаселенія Хивинскаго ханства въ 1819 году въ 300,000 о. п. душъ; въ 1840 годахъ Данилевскій принималъ почти тоже самое число (294,000 душъ), а Базинеръ полагалъ оное отъ 294,000 до 374,000 душъ. По нашему мнѣнію, надо класть на кибитку или семью среднимъ числомъ, не четыре, а пять душъ, потому мы полагаемъ, что если въ ханствѣ было въ 1840 годахъ отъ 73,500 до 93,600 кибитокъ и семействъ, то народонаселеніе его простиралось отъ 350,000 до 450,000 обоего пола душъ. М. И. Иванинъ (I. с., р. 145—146), принимая семью кругомъ въ четыре души, пришелъ, на основаніи особаго разсчета, къ заключенію, что въ 1830 годахъ народонаселеніе ханства должно было состоять, не считая подвластныхъ хану кочевыхъ Киргизовъ и Туркменовъ, изъ 684,000 душъ, а въ 1840 годахъ должно было доходить до 800,000. Такъ или иначе, но нѣтъ сомнѣнія, что въ настоящее время, въ слѣдствіе постоянныхъ въ теченіи послѣднихъ годовъ рѣзни, голодовъ и выселеній, народонаселеніе ханства должно было уменьшиться на $\frac{1}{3}$ или по крайней мѣрѣ на $\frac{1}{4}$ противъ численности его въ 1840 годахъ.